

Казарян Л. Г.

БЕЗГЛАГОЛЬНОСТЬ КАК ОСОБЫЙ ЛИНГВО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-3/26.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. III. С. 68-70. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

über dem Erdenrest;
 voll von jungen Gestirnen, die Feuer
 aus der Flucht ihres Saums
 schlendern ins lautlose Abenteuer
 des Zwischenraums:
 wie, durch dein bloßes Dasein, erschein ich,
 Übertrefferin, klein -;
 Doch, mit der dunklen Erde einig,
 wag ich es, in dir zu sein».

Оценочная функция односоставного номинативного предложения напрямую зависит и от семантической структуры слов, расширяющих эту модель. Данная функция отражает отношение говорящего к называемому предмету или явлению.

- **Unheimlich**, nie gesehen, **voll Grausamkeit**; an seinem Himmel
 Feuerschnüre, Säume, **pfeilweise** Linien, grüner Wetterschein;
 Sein Name: **Schmerz, Verblutung, tausendfacher Tod,**
Geschwür, Mordstätte, Grab, Gemetzel, böses Labyrinth;...
 (A. Schnack)

Экспрессивная функция связана со способностью рассматриваемого типа предложения отражать эмоциональное напряжение говорящего. В стихотворном произведении экспрессивно окрашенными оказываются восклицательные односоставные предложения, широко распространенные в стихах немецких поэтов-экспрессионистов.

- **Streik! Hungersnot! Die Auslandstelegramme.**

Matrosenmord! Wirtschaftszusammenbruch!
 In Russland schrieb Lenin ein neues Buch
 In Südamerika brennt Aufruhrs Flamme
 (R. Leonhard)

При использовании односоставного номинативного предложения в каждом отдельном стихотворном тексте сразу реализуется большинство из названных функций, что не исключает, однако, возможностей акцентирования одной из них. Последнее во многом определяется целеустановкой «наивного» читателя или интерпретатора.

Словоформа имени существительного, составляя основу высказывания в интересующем нас типе предложения, - это не только знак предмета, выражающий понятие о нем, но и обозначение целой нерасчлененной ситуации, семантику которой составляет как объективная, так и субъективная информация, сопутствующая самому процессу отражения - эмоции, оценки говорящего. Денотативная ситуация может быть репрезентирована как расчлененно, так и нерасчлененно.

Таким образом, полифункциональность / полисемантическая односоставного номинативного предложения, присущая ему как «системному» знаку, особенно ярко проявляется в стихотворной форме речи. «Сгущенность» и предельная смысловая концентрация на минимальном стиховом пространстве создает благоприятные предпосылки для реализации разнообразных потенциалов (структурных, семантических, текстовых и др.) данного типа предложений. Представляется, что приведенные выше примеры из поэзии конца XIX - XX вв., соответствующие основным поэтическим направлениям того периода - импрессионизм, экспрессионизм, - являются доказательством предлагаемых выводов.

Список использованной литературы

1. **Гончарова Е. А.** «Мир в тексте» - «Текст в мире» (о лингвопоэтической интерпретации литературного текста в синергетической исследовательской парадигме) // Язык. Человек. Общество: Межд. сб. науч. трудов (к 60-летию профессора В. Г. Малыгина). - Санкт-Петербург-Владимир, 2005. - С. 44-52.
2. **Якобсон Р. О.** Избранные работы. - М., 1985.

БЕЗГЛАГОЛЬНОСТЬ КАК ОСОБЫЙ ЛИНГВО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ

Казарян Л. Г.

Московский институт управления

Безглагольные предложения в качестве особого поэтического приема использовались еще Гомером в его «Илиаде» (каталог кораблей), довольно часто прибегал к ним А. С. Пушкин для перечисления признаков и свойств предметов с целью воссоздания целостной картины, например, сражения в «Полтаве»:

- «Бой барабанный, клики, скрежет,
 Гром пушек, топот, ржанье, стон
 И смерть и ад со всех сторон».

Особое значение, совершенно новое «звучание» безглагольные предложения получили в поэзии А. Фета, признанного и непревзойденного мастера «безглагольной» лирики. Его стихотворение «Шепот, робкое дыханье...», состоящее из 15 подлежащих-существительных и без единого сказуемого, явилось заметной вехой

не только в творчестве А. Фета, но и в истории мировой поэзии. Этим стихом Фет продемонстрировал возможности доведенного до совершенства безглагольного способа лирического высказывания.

В поэзии начала XX в., да и в современной поэзии, «безглагольность» давно освоена и не воспринимается как нечто новое. Безглагольность стала осознанным стилистическим приемом со множеством «соозначений», среди которых поэтами предпочитают те, что в большей степени соответствуют их философско-эстетическому мироощущению и мировосприятию. Так, в своем программном стихе «Безглагольность» (1900 г.) «символист» Бальмонт выделяет «безглагольность покоя», для немецких импрессионистских поэтов конца XIX - начала XX в. - это выражение общей тенденции отображать действительность через разрозненные предметы и явления:

- «Fragmente, Seelenauswürfe, Blutgerinsel des 20. Jahrhunderts» (G. Benn).

В Германии начало XX века по праву считается рубежом, временной точкой, ознаменовавшей рождение «новой немецкой поэзии». Непосредственным проводником идей такого искусства становится поэт А. Хольц, сформулировавший своего рода манифест новой поэзии и опубликовавший его в 1899 г. в брошюре «Революция в лирике». Основное требование Хольца к стиху - это полное соответствие между содержанием поэзии и ее формой. Он отвергает все традиционные формы поэтического искусства - метрику, строфику, рифму. Единственное, что, по мнению А. Хольца, необходимо для поэзии, - это ритм, причем ритм не заданный определенной метрической схемой, а рождающийся органически из содержания стихотворного произведения.

Отказ от устаревших поэтических форм, переход к свободному стиху, стремление раздвинуть границы поэзии за счет многообразия тематики, желание охватить в поэзии всю жизнь и историю человечества сделали А. Хольца одним из зачинателей поэтического искусства XX в., давшего мировой поэзии целую плеяду выдающихся немецких поэтов: Г. ф. Гофмана, Р. М. Рильке, Ст. Георге, Б. Брехта, Й. Бехера и др.

Новое содержание поэзии, новый способ видения и познания окружающего мира, отличавшие творчество поэтов начала XX-го века, не могли не сказаться на средствах и технике изображения, призванных адекватным образом воплощать этот способ и направлять ход его восприятия читателем. Стремление приспособить средства изображения к «новому» мировосприятию привело к тому, что основательно были переосмыслены и задействованы все элементы языковой системы. Основной акцент был сделан при этом на том, что язык как система категорий объединяет в рамках этих категорий довольно часто языковые феномены лишь с «условно» одинаковыми характеристиками-значениями. Немецкий лингвист начала XX века Ф. Маутнер указывает в своей монографии «Beiträge zur Kritik der Sprache»: «Die gesamte Tätigkeit der Klassifikation, welche unsere Menschensprache hervorgebracht, ist ja nichts anderes als die Vergleichung von Eindrücken und die Gleichsetzung ähnlicher Eindrücke durch ein gemeinsames Wort» [Mauthner 1969: 687].

Осознание и выявление дифференциальных признаков «схожих» языковых феноменов стали источником обогащения, расширения их изобразительных возможностей: «Sprache kann die Nuanciertheit der Wahrnehmung, die ihr zugrunde gelegen haben mögen, indirekt mitteilen, indem sie selbst sich unter Ausnutzung ihrer medialen, strukturellen Möglichkeiten als höchst nuancenreiches Phänomen für den Leser darstellt», - констатирует немецкий филолог Х. Маргольд, суммируя свои наблюдения над языком поэтов-импрессионистов конца XIX - начала XX вв. Процесс «нюансировки» затронул все уровни языковой системы, не в последнюю очередь, ее синтаксический уровень, где он проявился наглядно и в широком использовании безглагольных предложений.

Так, Х. Маргольд пишет далее: «Verben mit ihrer finiten Form, als Prädikate im Satz, sprechen nicht nur dieses oder jenes Verhalten und Tun aus, sondern vertreten als solche die Hypothese, dass jemand handelt, dass ein handelndes Subjekt Urheber dieser oder jener Handlung sei. Verben stiften damit zwischen einem Geschehen und seinem Urheber, seiner Ursache, eine Beziehung, die ebenfalls nicht durch die bloße Sinneswahrnehmung legitimiert wird. Erst die geistige Verarbeitung des Geschehens stellt die ursächliche Beziehung her, die zwischen Subjekt, Prädikat und Objekt herrscht - womit zugleich schon Konsequenzen für die syntaktische Gestaltung im literarischen Impressionismus angedeutet sind. Das Verb in seiner finiten Form jedenfalls enthält womöglich für einen Impressionisten schon zu viel geistige Verarbeitung. In impressionistischen Texten werden deshalb weniger als in anderen Texten finite Verbformen auftreten» [Marhold 1988: 24].

Явление «безглагольности», распространившееся в художественном языке как одно из проявлений «нового» искусства, не должно, тем не менее, трактоваться исключительно в «жанрово-стилистическом» аспекте. «Правильно подойти к анализу стихотворной речи мы сможем только в том случае - указывает Л. И. Тимофеев, - если будем рассматривать ее, прежде всего, как явление языка, как стилистически функционирующее языковое явление» [Тимофеев 1976: 268].

Безглагольность - это, в первую очередь, элемент структурно-синтаксического ресурса языка. Как таковой, он, проникая в особые функциональные подсистемы, влияет не только на сами эти «участки» системы, но и систему в целом, вызывая своего рода цепную реакцию в других ее звеньях, в результате чего вырисовывается эволюционная картина состояния языка.

Так, безглагольные предложения, представленные широко в поэзии XIX-XX вв., демонстрируют в названных временных срезах различные типы безглагольности и различные способы их функционирования: для XIX века - это преимущественно безглагольность сложноподчиненного предложения, для XX века - безглагольность простого предложения, его «ядерный» тип - односоставное номинативное предложение. Телеологические тенденции в сфере безглагольности, складывающиеся в поэзии XIX-XX вв., развиваются как

явления «общезыковые», стимулируемые социально-общественными законами и потребностями «социума».

XIX век в сравнении с XX в. характеризуется в языке сохранением усложненных, главным образом, сложноподчиненных структур. Неудивительно, что случаи безглагольного оформления затрагивают прежде всего эти структуры, в них как бы «изнутри» складываются предпосылки к упрощению, сокращению, сначала наиболее громоздких конструкций, а затем и менее объемных, поскольку опущение в основном частично десемантизированных вспомогательных глаголов при соблюдении некоторых структурно-семантических ограничений становится «удобным», способствует и совершенствованию способов «безглагольности», и расширению их сферы.

XX век, по мнению большинства лингвистов, отмечен существенными многоаспектными преобразованиями языковой системы, в частности, изменениями в структуре предложения: его организации, объеме, степени усложненности. Естественным образом интегрируя в себе качественные изменения, происходящие на всех остальных языковых уровнях, они становятся едва ли не центральным фактом языкового развития.

Наиболее заметное явление этого порядка - это «упрощение» предложенческих структур, их тяготение к «простым» формам, приведшим к фронтальному отступлению сложноподчиненных предложений и довольно значительно сокращению даже простого цельного предложения.

Существенным моментом в ряду языковых сдвигов на данном этапе явился также отмечаемый многими учеными «процесс номинализации», заключающийся в преобладании существительных над глаголами и в укреплении позиций безглагольных предложений. Будучи в структурном отношении явлением неоднородным, безглагольность реализует это свое свойство в разных типах по-разному: от полностью безглагольных (номинативные предложения) - до предложений, частично сохранивших формальные элементы «глагольности». Однако независимо от этого все типы безглагольных предложений выступают реальным воплощением выше означенных тенденций.

Список использованной литературы

1. Тимофеев, Л. И. Основы теории литературы / Л. И. Тимофеев. - М.: Просвещение, 1976. - 448 с.
2. Marhold, H. Impressionismus in der deutschen Dichtung / H. Marhold. - Frankfurt am Main (Bern)-New York, 1985.
3. Mauthner, F. Beiträge zur einer Kritik der Sprache. 1-3 Hildesheim / F. Mauthner. - Olm, 1967-1969. - 663 S.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИМЕНИ И ГЛАГОЛА В РАМКАХ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ

Колочкова О. В.

Санкт-Петербургский государственный университет

Антитеза имени и глагола была осознана ещё в античности, то есть споры по поводу «глубинной сущности» данных категорий ведутся уже многие века как в философии, так и непосредственно в науке о языке, и вновь и вновь это приводит к постановке таких фундаментальных вопросов, как «Является ли первообраз слова именем или глаголом?», «Каков изначальный характер говорения?», «Каково происхождение языка?» Уже Платон и Аристотель учили об имени и глаголе как о двух главных частях речи. В XVIII в. эта теория была воспринята и русской грамматикой, которая «преобразовала» её следующим образом: из древнего амбивалентного имени, отражающего синкретизм мышления первобытных людей, постепенно выделились:

- *имя* - для называния предметов материального мира (позднее для выражения любых отвлечённых представлений о них);

- *глагол* - некий атрибут, позволяющий говорить о том, что в речи выражено неопредмеченно.

На этой почве сложилось своеобразное **учение о глаголе как о центральной категории языка**, присвоившей себе основные формы и функции других грамматических категорий (в широком смысле) и создавшей свои особые «колонии» в области всех главных частей речи (кроме имён числительных и местоимений как «замкнутых» классов слов). Таким образом, открывались два грамматических пути в отношении современного состояния языка:

1) выделить из глагола группу форм, наиболее далёкую по своему строю от имён (личные формы), и объявить их особым грамматическим классом. Все остальные глагольные формы отходили к другим частям речи (Ф. Фортунатов);

2) создать своеобразную философию глагольности. Этот путь был намечен ещё М. В. Ломоносовым, А. Х. Востоковым, Ф. И. Бушлаевым и проторен А. А. Потембёй в его фундаментальном труде «Из записок по русской грамматике», где учёный, опираясь на взгляды своих предшественников, создал оригинальное учение об исторической эволюции основных категорий языка и мышления. Глагол, по А. А. Потембе, - это высшая, наиболее отвлечённая и прогрессирующая категория языка, а история глагола - история вытеснения им имён с основных грамматических позиций, история роста глагольных типов предложения за счёт уменьшения количества именных.

Не угасает интерес к категории глагола и её соотношению с системой имени и в языкознании второй половины XX - начала XXI в. До сих пор, исследуя данную проблему, многие учёные пытаются свести её решение к анализу связей, возникающих между субъектом и предикатом, подлежащим и сказуемым (зачастую